

Николя Верт

Студенты – или просто любители советской истории и, в частности, истории сталинизма – часто задают мне вопрос: кого, из российских историков сталинизма, читать? Я обычно отвечаю: Виктора Петровича Данилова, Сергея Красильникова, Олега Хлевнюка, Елену Зубкову, Никиту Петрова и «остальную команду Мемориальцев».¹ Все, конечно, знают «Мемориал», но далеко не все знают, что в «Мемориале» таится прекрасная такая «команда». Команда крайне скромная, работает «в коллективе», часто выступает в качестве «редакционной коллегии» или «научных редакторов» и подписывается инициалами – А.Ю., А.И., Н.Г., Н.П., Е.Б., С.Г., А.Б.

Позвольте мне остановиться именно на последних инициалах А.Б. В нашем узком кругу всем известно, что за А.Б. стоит Арсений Борисович Рогинский. Найти его произведения, к сожалению, не так уж легко, особенно у нас, за границей. Можно, конечно, покопаться в Интернете, поискать на сайте «Мемориала». Но держать в руках, аннотировать, читать и перечитывать «большую» книгу, не говоря о солидном томе «избранных сочинений» Арсения Борисовича Рогинского, увы, пока не суждено. А жаль! Работы А.Б. приходится собирать «по крупинкам»: статьи в давно уже недоступных – для широкой публики – сборниках, альманахах, каталогах выставок, журналах; интервью, беседы, тезисы, доклады на разных конференциях. Не стану перечислять все, что в памяти запечатлелось из его работ. Остановлюсь лишь на трех образцах многогранной деятельности Арсения Борисовича как историка.

«Искусство комментария и сносок»: кропотливая, точная, эрудированная (в лучшем смысле этого слова) работа, основанная на длительном, глубоком осмыслении архивных документов и их ловушек. Студентам и аспирантам многие годы уже даю в пример прекрасные, обширные (каждая из них объемом полноценной статьи!) комментарии и сноски, скромно подписанные «Прим. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского» к последним томам «Трагедии советской деревни», посвященным 1937–1939 годам. Хотите понять изнутри механизмы, функционирование, «кухню» массовых операций НКВД 37–38 гг., «культуру отчетности» НКВД, отношения между «центром» и «периферией» – читайте эти комментарии! Они помогут вам не только переосмыслить «Большой Террор», но и понять, какие вопросы ставит перед историком этот пласт НКВД-шных документов. Как их анализировать, что они нам открывают и о чем они молчат. Подробно анализируя, используя их, А.Б. предупреждает нас (в одной из редких бесед,

¹ Сегодняшние студенты – и вообще «читающая» публика – ленивы. Больше 5-6 книг или имен называть бессмысленно. Пусть все замечательные историки, которых я не упомянул здесь, не считают себя в обиде!

доступных французскому читателю): «Les documents peuvent mentir!» («Документы могут лгать!»)².

Второй образец работ Арсения Борисовича – его (часто в соавторстве) основополагающие статьи о сталинских репрессиях, напечатанные в малотиражных, скромных, не переизданных, труднодоступных сборниках. Я всегда рекомендую студентам «Польскую операцию НКВД» (соавтор Н.В. Петров), «Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939-1941 гг.» (соавтор О.А. Горланов), «Из истории немецкой операции НКВД 1937-1938 гг.» (соавтор Н. Охотин.)³. В них сочетаются введение в научный оборот уникального, важнейшего комплекса новых документов из недр ведомственных, до сих пор недоступных, архивов и блестящий анализ вкладов и пробелов этих же документов. В каждой статье А.Б. интереснейшая рефлексия об источниках, о специфике информации, которую они содержат, о работе историка с такого рода документами.

Третий образец работ Арсения Борисовича – его «тезисные выступления». В коротких, сжатых, устных выступлениях А.Б. излагает подлинно глубоко-простые суждения. Казалось бы, очевидные, порой даже банальные, но словами Арсения Борисовича обладающие новым, глубоким, как бы переосмысленным смыслом. Всем советую еще раз перечитать выступление Арсения Борисовича на первой конференции, посвященной сталинизму, в декабре 2007 года, «Память о сталинизме».

«...Память о сталинизме – это почти всегда память о жертвах – не о преступлении».

«...Мы убивали в основном своих, и сознание отказывается принимать этот факт. В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». Эта **невозможность отчуждения** зла и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре».

«Пусть мы во многом уже разобрались, представляем себе механику репрессий довольно точно, главное от нас ускользает. Мы никуда не ушли от оценок, типичных для поколения моей матери. Мы все еще бросаем на одну чашу весов достижения советской

² В этой интересной беседе с G.Piron i T.Obrecht, опубликованной в каталоге к выставке «Goulag, le peuple des zeks», Musée ethnographique de Genève, 12 mars 2004-2 janvier 2005», st. 81-84, Арсений Рогинский упоминает справку о смерти отца, которую его мать получила после XX съезда. В справке отмечалось, что отец А.Б. скончался в 1944 году, в то время как он был вторично арестован в 1951 году, после чего пропал без вести. «Этот факт меня страшно поразил, я понял как непосредственно фабриковалась историческая фальсификация и как человек мог бесследно исчезнуть» (st. 81).

³ Первые две статьи опубликованы в сборнике: «Репрессии против поляков и польских граждан». М., Звенья, 1997.; третья в сборнике: «Наказанный народ». М., Звенья, 1999.

власти, на другую - террор. Мы все еще судим о прошлом, оставаясь в плену у этой дилеммы »⁴.

Знание исторических фактов становится более полным, осмысление их остается проблематичным. Труд историка – Сизифов труд!

Спасибо, дорогой Арсений Борисович, за Ваш труд, за Ваш вклад, за Ваш интерес и любовь к истории.

Nikolas Werth

⁴ Из уже упомянутой беседы А.Б. Рогинского с Geneviève Piron i Thérèse Obrecht, 12.09.2003.